

На следующий день Роман убил своего первого снежного ящера.

Как и вчера, их нарты мчались по торосистой равнине; собаки сами выбирали дорогу в ледяном хаосе, и Аквия лишь изредка ободряла их возгласом, похожим на звон соприкоснувшихся хрустальных бокалов. Она выглядела довольной и оживленной, и несколько раз пыталась втянуть Романа в разговор, однако он мрачно молчал. Из головы его не выходило видение бледного нагого женского тела, розовеющего от жара сат-па, согревающего снадобья. Для него она пожалела лишнюю каплю, наградив мерзкой звериной шкурой! Конечно, все эти чудодейственные зелья произвели бы переворот в земной фармакопее, но где гарантия, что питье, предложенное в конце пути, вернет ему прежний облик? Может быть, волосы у него и выпадут, но как бы, ни отросли рога - или чего похуже!

Смущенная его угрюмым видом, Аквия тоже замолчала, лишь изредка поглядывая на спутника огромными зеленоватыми глазами. Лицо ее посуровело, у губ и век залегли тонкие стрелочки морщинок, светлые пушистые брови сошлись у переносья; казалось. Снежная Королева, грозная и прекрасная, несется на север в леденящей тишине и безмолвии вечных снегов, торосов и стилого недвижимого воздуха, озирая по пути свои владения.

Внезапно зрачки Аквии потемнели. Резким окриком, придержав псов, она повернулась к разведчику и положила руку в меховой варежке на его предплечье.

- Будь готов. Нас выследил дайр.

Роман вышел из своего мрачного раздумья и огляделся. Их упряжка неторопливо двигалась к полосе торосов, протянувшихся в полумиле впереди и похожих на огромные призмы и конуса, в беспорядке сваленные на снежное покрывало. На фоне бледно-фиолетового послеполуденного неба их вершины, то плоские, то напоминающие шпили готического собора, играли кроваво-алыми отблесками под лучами клонившегося к закату солнца. Эти ледяные скалы были сравнительно невысоки - от десяти до тридцати футов - и не являлись серьезным препятствием для путников, меж ними оставалось достаточно места для нарт, и собаки как раз трусили к одному из таких проходов. Видно, он был сквозным - псы обладали непогрешимым чутьем, по части выбора дороги.

- Мы можем уйти от него? - спросил разведчик, рассматривая нагромождение льдов впереди; он не слышал ни звука и не замечал ничего угрожающего.

- Нет, - Аквия огорченно покачала головой в островерхом капюшоне. - Это очень быстрый зверь. Он почуял нас, обошел и спрятался где-то слева, за теми глыбами льда, - женщина вытянула руку, указывая на хаос, проросших друг сквозь друга ледяных кубов и пирамид. - Если мы выберем другой путь, дайр снова будет подстерегать нас, пока не возьмет свое - собаку или двух... - Она помолчала и добавила: - Или меня...

- Тебя? - Роман покосился на спокойное лицо спутницы.

- Ты слишком велик и силен - даже для дайра. Для одинокого дайра, хочу я сказать, а они редко охотится парами.

- Какой он? - спросил Роман.

Аквия бросила на него испытующий взгляд.

- Закрой глаза, я покажу.

Разведчик зажмурился, и перед ним вспыхнул неясный размытый образ мощного зверя - с пастью, усаженной двухдюймовыми клыками, сильным мускулистым телом и толстым драконьим хвостом. Его спина, грудь и бока поблескивали, словно изнанка перламутровой раковины, окутывая чудище зыбким сиянием. Как показалось Роману, размерами и массой дэйр немногим уступал йоркширскому быку.

Он открыл глаза, и видение исчезло. Аквия вытерла покрытые испариной виски и глубоко вздохнула. На верхней ее губе тоже выступили росинки пота, быстро превращаясь в крохотные ледяные шарики.

- Как ты учуяла его? - поинтересовался Роман, поглядывая на собак. Упряжка вела себя спокойно; нарты неторопливо катились к гряде торосов, до которой оставалось ярдов двести.

- Он думает о нас... думает о добыче, о теплом кровавом мясе... Я слышу.

- А собаки что ж?

- Снежный ящер почти не имеет запаха и прячется за торосами... Псам не вынюхать его. Они узнают про дэйра только когда зверь кинется на упряжку.

- Они будут сражаться?

Аквия усмехнулась

- Они боятся дэйра больше смерти... - Лицо ее вдруг поблекло, постарело, словно от смертельной усталости. - Очень свирепый зверь, сказала она. - Голодный. Много зубов, мало мозгов. Мне с ним не справиться.

- Хорошо, - Роман кивнул головой. - Останови сани, дай мне какой-нибудь ремень и сиди тихо.

Он ступил на снег, пошаркал по нему ступнями - вроде не очень скользко... Аквия уже протягивала ему кожаную полоску, запасную упряжь. Обвязав топорище и сделав петлю, Роман повесил свою секиру за спину. Пешню он сунул под мышку; ее древко, окованное на фут железом, с наточенным блестящим острием, торчало перед ним подобно рыцарскому копью. Он выбрал пса помельче, вывел его из упряжки и взял на сворку.

- Так ты говоришь, этот дэйр сидит где-то слева от прохода? - Роман кивнул на ущелье, рассекавшее ледяную баррикаду.

- Я думаю... думаю, он за теми глыбами, - Акция говорила шепотом, лишь взглядом показывая на хаотическое нагромождение ледяных многогранников.

Разведчик свистнул псу и дернул поводок. Они медленно потрусили к торосам - мохнатая ездовая собака, похожая на небольшого медведя, и еще более мохнатый человек, выглядевший пришельцем из доисторических времен, древним охотником каменного века. Лишь блеск топора за спиной да зловещее сверкание острия пешни разрушали эту иллюзию; но схватка, которая должна была сейчас состояться, ничем не отличалась от битв кроманьонцев с пещерными медведями в эпоху великого оледенения Земли.

Роман следил, чтобы собака бежала ярдах в трех от него и слева. Его приманка вела себя спокойно; видимо, снежный ящер отлично умел маскироваться. Они миновали горловину прохода, пройдя рядом с пирамидальным ледяным утесом, потом пошли вдоль поваленной на ребро шестигранной призмы. Эта полупрозрачная блистающая колонна тянулась футов на

сорок, и конец ее приходился как раз напротив подозрительного места.

Разведчик сделал шаг, другой, придерживая поводок кончиками пальцев. Вдруг слева, над плоской вершиной ледяного куба, взметнулось белесое облако; собака панически взвизгнула и бросилась назад, вырвав ремень из руки Романа. Пес чуть-чуть не успел, мощная лапа обрушившегося сверху чудовища вдавила в лед пушистый собачий хвост, и клыкастая голова на длинной гибкой шее стремительно метнулась к позвоночнику. Пронзительно взыв, пес дернулся из всех сил и вдруг заскользил по насту к выходу на равнину.

Но это прошло мимо сознания Романа. Он видел перед собой только бледно-розовую разверстую пасть, крокодильи челюсти, способные враз перекусить его ногу, и длинный узкий змеиный язык, с которого капала слюна. Пешня, словно живой таран, метнулась в капкан чудовищного зева - точно между огромных передних клыков; стальное острие ударило в небо, пробило неподатливую кость и вышло, обогренное бледной кровью, из загривка.

Разведчик не пытался извлечь ее обратно; отпустив древко, он сорвал с плеча топор и рубанул зверя по шее. Потом отскочил в сторону - тварь могла оказаться живучей, и он не собирался подставлять ребра под сокрушительный выпад шестифутового хвоста.

Удар его секиры, похоже, был лишним. Зверь бился на снегу, и с каждой секундой его судорожные движения становились все слабее, а хриплое шипенье, вырывавшееся из распоротого горла, все тише. Сжимая обеими руками топор, Роман медленно двинулся к голове монстра, и вдруг замер, услышав позади слабый скрип полозьев по снегу. Нарты стремительно влетели в проход, псы, жутко взыв, остановились в десяти ярдах от поверженного чудовища, и Аквия, соскочив на снег, бросилась к нему, сжимая в обеих руках по метательному диску.

- Ты... ты... цел? - она задыхалась.

Роман, молча, кивнул, наблюдая за дайром; тело его вытянулось и замерло.

- Я чуть с ума не сошла, когда пес выскочил из торосов, - она робко протянула руку к неподвижной туше ящера, разглядывая его; потом брови женщины взлетели вверх. - Ты уложил дайра с одного удара? Не получив ни царапины?

Роман подошел к чудищу, откинул ногой когтистую лапу и поднял собачий хвост. Его приманке повезло - коготь зверя перебил кость и мышцы, вот почему собаке удалось удрать. Поискав глазами раненого пса - тот был на месте, жался позади упряжки, - разведчик довольно кивнул.

- Вот все наши потери, - сказал он, швырнув хвост к ногам Аквии. Сегодня ночью можешь приделать эту штуку к моей заднице, и я стану так страшен, что все дайры будут разбегаться с твоего пути.

Она отпрянула, как от пощечины. Не обращая на нее внимания, Роман вытащил свое копье, перевернул зверя на бок и принялся разглядывать. Эта тварь действительно походила на огромную ящерицу - чешуйчатым вытянутым телом с мощным хвостом, длинными челюстями и голыми кожистыми лапами с когтями длиной в палец. Однако он не сомневался, что зверь был теплокровным - иначе он просто не выжил бы в ледяной пустыне. Грудь дайра покрывали блестящие серебристые квадраты костяного панциря; такой же защитный доспех монстр носил на спине - плюс гребень из треугольных пластин.

Взявшись за топор, Роман несколькими ударами распорол брюхо снежного ящера, стараясь не

повредить нагрудный панцирь. Он оглянулся - Аквия возилась с раненой собакой, обматывая тряпицей культю хвоста.

- Эй! - позвал Роман. - Принеси-ка мне нож да ставь юрту.

Она подошла, молча, протянула клинок; разведчик отметил застывшие полосы слез на бледных щеках, блестящие глаза, чуть дрогнувшую руку. Ничего! Они заключили сделку, но дружелюбие и вежливость не были указаны в условиях контракта. Как, кстати, и доверие.

Акваия постояла минут пять, наблюдая, как он кромсает ножом и топором плоть дайра, превратившуюся из смертоносных могучих мышц просто в грудку мяса. Наконец она тихо спросила:

- Что ты собираешься делать? Может быть, поедем дальше?

- Сказано тебе - ставь юрту! - Роман бросил на женщину сердитый взгляд. - Клянусь, я не сделаю ни шага отсюда, пока не обглодаю эту тварь до последней косточки!

Слова разведчика отнюдь не были фигуральным выражением: его опять терзал свирепый голод.

* * *

Мясо дайра оказалось вполне приемлемым на вкус, и Роман умял килограмма четыре; собаки тоже охотно ели его. Сытый и умиротворенный, разведчик сидел в маленькой юрте на перевернутом котле, лениво наблюдая за тем, как Аквия совершает ежевечерний ритуал отхода ко сну. Растеревшись янтарной мазью, она набросила свой халатик и скользнула под меховое покрывало. В шатре, у раскаленной печурки, не было холодно - градусов пять-десять выше нуля; Роман затруднялся определить точнее, ибо с воздухом контактировали, пожалуй, только его глаза. Шерсть росла на его теле везде - даже на ладонях и ступнях, правда, тут она имела вид короткого, но очень густого подшерстка. Однако он не мог плотно стиснуть пальцы в кулак; когда он сгибал их, возникало ощущение, что в его ладони находится плотный комочек меха.

Несколько раз за день Роман щупал, под левой подмышкой, пытаясь установить, все ли в порядке со спейсером. Приборчик был на месте, но он едва ощущал маленькую выпуклость на ребрах под двойным слоем шерсти - на пальцах и на боку. Включить его будет непросто... Оставалось надеяться, что Аквия выполнит свою часть контракта так же честно, как он сам, и возвратит ему человеческий облик.

Разведчика удивляло, куда делся его натуральный волосной покров, так разительно отличавшийся от звероподобной шкуры, что облекла сейчас его плоть. Однажды, незаметно для Аквины, он запустил пятерню в буйную растительность на голове, преодолевая боль, выдернул клочок и внимательно рассмотрел его. Среди бурой шерсти, толстой и грубой, тонули отдельные черные волосинки. Роман не мог выделить их из общей массы и ощупать загрубевшими пальцами, но не сомневался, что видит следы своей настоящей шевелюры. Значит, с бровями и ресницами тоже ничего страшного не произошло; бурая шерсть росла сама по себе, независимо от волос, покрывавших его тело раньше. Оставалось надеяться, что снадобье, которое даст ему колдунья в конце пути, подействует так, как нужно. Роман совсем не хотел потерять собственные волосы вместе с этой жуткой бурой шерстью - хотя, в крайнем случае, был готов согласиться и на это.

Акваия зашевелилась под своим покрывалом.

- Роан...

- Да?

- Ты сердишься на меня?

- Нет.

Она помолчала.

- Не могу забыть твоих слов... насчет хвоста...

- Это была шутка.

Снова молчание; потом тихий шепот:

- Роан?..

- Что?

- Ты... ты прости меня...

- Я же сказал, что не сержусь.

- Нет, сердишься. Я же чувствую... твоя душа полна - гнева и... и отвращения...

Правда, несомненная и истинная; Роман забыл, с кем имеет дело. Он повернулся и пристально посмотрел на женщину.

- Давай поговорим начистоту, ведьма. Да, ты спасла меня; твои псы вытащили глупого Роана из воды. Мало того, ты подарила мне прекрасную ночь... И я бы помог тебе - из чувства благодарности. Так, как мужчина может помочь женщине, сильный - слабому, воин - нуждающемуся в защите. Все было бы честно, уверяю тебя...

Она слабо вздохнула.

- Вместе мы решили бы все проблемы - с одеждой, например. Я понимаю, что у тебя нет ничего подходящего, но мазь!.. Эта твоя сат-па! Я продержался бы с ней два-три дня, убил пару волков... - или еще кого - с теплой шкурой... Наконец, вот это меховое покрывало, - он ткнул пальцем в шкуру, под которой съежилась Аквия, - его вполне хватило бы на куртку и штаны...

- Все не так просто, как тебе кажется...

- Просто - не просто! Разве в этом дело? Ты посмотри, как все выглядит со стороны...

- Как?

- Мерзко и отвратительно! Ты пустилась одна в опасное странствие - не знаю, куда и зачем. Тебе нужен мужчина - защитник, покровитель... такой, с которым ты могла бы разделить постель. Тебе встретился подходящий человек, он прижал ладонь к мохнатой груди. - И что же ты делаешь? Заставляешь его обманом выпить зелье, потом - пока он еще не превратился в зверя - с удовольствием используешь... А утром начинаешь торговаться: доведи меня, куда надо, тогда сниму эту мерзкую шерсть...

Она плакала. Ничего, решил Роман, это ей полезно; кто не плакал, тот не жил.

- Пойми, дело даже не в этой шкуре, что ты натянула на меня, а в насилии над человеком! В оскорблении, которое ты мне нанесла! - он шумно выдохнул воздух. - Может, я и сам решился бы на такой исход... если бы ничего другого не оставалось... Но - сам, по своей доброй воле и разумению!

- Ты горд, Роан... - ее голос дрожал.

- Какой есть, - буркнул Роман, и они снова замолчали.

- Роан?

- Слушаю.

- Понимаешь, тебе нельзя пользоваться сат-па... Один раз, для спасения жизни - может быть... Но это очень сильное средство. Нужна специальная тренировка... этому обучают долгие годы...

- Меня тоже обучали долгие годы, - заявил Роман.

- Но чему?

- Всему - он резко выпрямил спину. - Например, как поступать в подобных обстоятельствах.

- И как же?

Роман встал, прошелся вдоль полога, потирая занемевшие ягодицы - три шага туда, три - обратно, потом вытянул руки над раскаленной печуркой.

- Видишь этот очаг? - Аквия молча, кивнула. - Что ты скажешь, если я поставлю его на твою прекрасную нежную грудь? Еще можно срезать кожу ножом... медленно, полоска за полоской. Можно отобрать эту мазь, сат-па, вывести тебя голую на мороз и поливать водой... Можно изловить волка, связать ему пасть - чтобы терзал когтями, долго, долго... Можно выдавить глаза, вырвать ногти, выбить зубы... Поверь мне, красавица, не только колдовской отвар способен сделать из человека не человека...

Она смотрела на него остановившимся взглядом, в глазах плескался ужас, а тело под меховым покрывалом съежилось в комок.

- Нет!.. - тонкий крик прорезал полумрак под кожаным сводом шатра. Нет! Я не верю! Ты не можешь так... так... безжалостно... - она зашлась в беззвучных рыданиях.

- Почему же? - голос разведчика оставался абсолютно спокойным. - Разве ты испытывала ко мне жалость, когда давала то зелье? И самый простой способ получить противоядие - пытка? Тот кровавый кусок мяса, в который ты превратишься через пару дней, все мне расскажет - про каждую баночку и пузырек в твоих мешках.

- Я могу ведь и не сказать правды... - пробормотала она сквозь слезы.

- Нууу... Во-первых, любое зелье я могу проверить сначала на тебе и на собаках; во-вторых, в каждом предприятии есть своя доля риска. И может на пути в Берглион меня ждет гораздо больше опасностей, чем в твоих мешках со снадобьями.

Снова воцарилось долгое молчание. Наконец:

- Роан?

- Весь внимание.

- Зачем говорить такие страшные вещи? Ты ведь не дикарь, не изверг, я чувствую... знаю... Ты не способен на это.

- Кто знает, на что способен человек, когда его лишают человеческого естества? Люди, видишь ли, могут меняться - особенно когда их превращают в зверей.

Тихий шорох. меховое покрывало медленно сдвинулось, обнажив стройные ноги с треугольником золотистых волос меж ними, тонкая рука коснулась налитых грудей.

- Ты можешь лечь здесь... Нам будет теплее...

Что это? Искреннее раскаяние или очередная хитрость? Роман почесал в кудлатой голове.

- Нет, моя милая. Мне будет слишком жарко под покрывалом рядом с тобой. Лучше я устроюсь в холодке.

Он лег прямо на утоптаный снег - так же, как вчера, - и уснул. Но всю ночь ему снились округлые бедра и полные груди Аквии, и слышался ее серебристый зовущий голосок.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/481520>